Законность и целесообразность в обществе постмодерна: пересмотр сложившейся классической модели

ЗАЛОИЛО Максим Викторович, ведущий научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук
Россия, 117218, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 34
E-mail: z-lo@mail.ru

В разные годы в том или ином государстве, особенно в переходные периоды, связанные со сменой парадигм государственного, общественного и правового развития, обострялась проблема соотношения принципов законности и целесообразности. В настоящее время, когда общество постмодерна вступает в эру шестого технологического уклада, правовое регулирование общественных отношений стремительно обновляется и трансформируется, однако по-прежнему преобладает скорее «догоняющий» его характер, сохраняются дефекты в праве, пробельность законодательства, опосредующего технологическое развитие, имеются иного рода несовершенства нормативного правового массива. В сложившихся обстоятельствах проблема корреляции законности и целесообразности становится особенно актуальной.

Цель исследования — выявить соотношение законности и целесообразности в современном постиндустриальном обществе. В статье с применением формально-юридического, исторического, формально-логического методов, методов моделирования, прогнозирования, а также постклассической юридической методологии (герменевтика, синергетика права) анализируется классическое и современное понимание обозначенных принципов; законность и целесообразность исследуются в аспекте смены правовых циклов и парадигм правового развития; Конституция Российской Федерации 1993 г. рассматривается как основа законности в современном российском государстве; даются характеристики общества постмодерна; обозначаются проблемы правового развития и опережающего правотворчества в постиндустриальном обществе; в аспекте усиления принципа законности анализируется проводимая в России с начала 2020 г. конституционная реформа.

Автор формулирует выводы о соответствующих современным реалиям изменении роли и трансформации закона как основного источника права, моделирует понимание законности и прогнозирует соотношение данного принципа с принципом целесообразности в условиях обновления нормативного правового массива при переходе к шестому технологическому укладу.

Ключевые слова: законность, правопорядок, целесообразность, правовые ценности, конституция, конституционная реформа, толкование конституции, постмодерн, постиндустриальное общество, шестой технологический уклад, фрагментация правового регулирования, пробелы.

Для цитирования: Залоило М. В. Законность и целесообразность в обществе постмодерна: пересмотр сложившейся классической модели // Журнал российского права. 2020. № 6. С. 22—37. DOI: 10.12737/jrl.2020.065

Legality and Expediency in Postmodern Society: Revising of the Existing Classical Model

M. V. ZALOILO, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow 117218, Russian Federation
E-mail: z-lo@mail.ru

In different years in a particular state, especially in transition periods associated with the change of paradigms of state, social and legal development, the problem of correlation between the principles of legality and expediency becomes more acute. At present, when postmodern society enters the era of the sixth technological order, the legal regulation of public relations under the influence of their dynamics is rapidly updated and transformed, but still has a rather “lagging” character; defects

in law remain; the gap in legislation on technological development is stated; there are other kinds of imperfections in the normative legal array. In the current circumstances, the problem of correlation between legality and expediency becomes particularly relevant.

The purpose of this research is to determine the correlation between legality and expediency in modern post-industrial society. In accordance with this goal, through formal-legal, historical, formal-logical methods, modeling and forecasting methods, as well as post-classical legal methodology (hermeneutics, synergetics of law), the article analyzes the classical and modern understanding of these principles; the legality and expediency are examined in the aspect of changing of legal cycles and paradigms of legal development; the Constitution of the Russian Federation of 1993 is considered as the basis of legality in the modern Russian state; the characteristics of postmodern society are given; the problems of legal development and advanced law-making in post-industrial society are identified; in the aspect of strengthening of the principle of legality, the constitutional reform that has been carried out in Russia since the beginning of 2020 is analyzed.

Based on the research the author makes conclusions about changes of the role and transformation of the law as the main source of law corresponding to modern realities, the understanding of legality is modeled, and the correlation of this principle with the principle of expediency is predicted in the conditions of updating the normative legal array during the transition to the sixth technological order.

Keywords: legality, legal order, expediency, legal values, constitution, constitutional reform, interpretation of constitution, postmodern, postindustrial society, sixth technological order, fragmentation of legal regulation, gaps.

For citation: Zaloilo M. V. Legality and Expediency in Postmodern Society: Revising of the Existing Classical Model. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2020, no. 6, pp. 22—37. DOI: 10.12737/jrl.2020.065 (In Russ.)

Законность и целесообразность: понимание в отечественной правовой доктрине. Законность является одной из ключевых юридических категорий. И хотя до сих пор в доктрине не достигнуто согласие относительно определения этого термина, в целом, несмотря на различие выделяемых правоведом функциями законности, можно заключить, что она характеризует процесс реализации государственно-правовой формы организации общества и реализации правовых идей путем строгого соблюдения и исполнения действующего законодательства.

Проблемы революционной законности в первые годы советской власти после принятия основных законов РСФСР нашли отражение в постановлении VI Всероссийского чрезвычайного съезда Советов от 8 ноября 1918 г. «О точном соблюдении законов», где все граждане, органы и должностные лица РСФСР призывались к строжайшему соблюдению законов РСФСР под страхом привлечения к народному суду. Отступление от законно-

сти допускалось в экстренных условиях гражданской войны и борьбы с контрреволюцией. Принимаемые в дальнейшие годы предписания советской власти указывали на необходимость укрепления строгих начал революционной законности. В известном письме В. И. Ленина «О “двойном” подчинении и законности» говорилось о неуклонном введении законности, которая «не может быть калужской и казанской, а должна быть единая всероссийская и даже единая для всей федерации Советских республик»¹.

В литературе советского периода в содержание социалистической законности включалось строгое и неуклонное соблюдение и исполнение всеми государственными органами и общественными организациями, должностными лицами и гражданами советских законов² и осно-

¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 45. URL: <https://leninism.su/works/84-tom-45.html> (дата обращения: 14.02.2020).

² См.: Стругович М. С. Социалистическая законность — незыблемый принцип нашей общественной жизни. М., 1969. С. 4.

ванных на законах иных правовых актов³. В новейшей литературе содержание законности расширяется, сюда включается соблюдение также «дополнительных источников права, санкционированных государством»⁴.

Вместе с тем требования законности распространяются не только на процесс правореализации, но и непосредственно на правотворчество (установление принципа верховенства закона, иерархия правовых актов, своевременность принятия новых нормативных правовых актов, изменение, уточнение и отмена действующих и т. п.)⁵. В связи с этим приобретают особое значение правила правотворческой деятельности. Каждый субъект правотворчества должен принимать, изменять и отменять акты в установленном законодательством порядке и формах с соблюдением иерархических и компетенционных требований. Сказанное является дополнительным аргументом для ускоренного принятия федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации»⁶.

Законность трактуется в доктрине не только как принцип деятельно-

сти субъектов права⁷, но и как метод осуществления государством своих функций⁸. Как мера действия закона она «приобретает особое значение в системе государственного управления, поскольку государственная власть распространяется на все общество, устанавливает общеобязательные правила поведения и использует механизмы принуждения для обеспечения их соблюдения»⁹. Кроме того, законность видится учеными как правовой режим¹⁰, принцип правового государства¹¹ или принцип права¹², правомерность человеческой деятельности¹³ и проч.

Законность является основой правопорядка. Г. Ф. Шершеневич писал в связи с этим, что применение норм права «по точному их смыслу, невзирая на результаты применения в тех или иных конкретных случаях», есть тот принцип законности, который составляет условие правового порядка¹⁴. Правопорядок — это результат действия права, основной формой которого является закон¹⁵, а назначением законности выступает установление правопорядка.

⁷ См.: Хабриева Т. Я. Конституция как основа законности в Российской Федерации // Журнал российского права. 2009. № 3. С. 3.

⁸ См.: Строгович М. С. Указ. соч. С. 4; Александров Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М., 1955. С. 61.

⁹ Законность: теория и практика: монография / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, Н. В. Субанова. 3-е изд. М., 2017. С. 60.

¹⁰ См.: Александров Н. Г. Указ. соч. С. 68; Самощенко И. С. Охрана режима законности Советским государством. М., 1960. С. 43.

¹¹ См.: Вопленко Н. Н. Законность и легитимность // Новая правовая мысль. 2003. № 1. С. 11—14.

¹² См.: Алексеев С. С. Проблемы теории права. Свердловск, 1972. Т. 1. С. 113.

¹³ См.: Рабинович П. М. Упрочение законности — закономерность социализма. Львов, 1975. С. 130.

¹⁴ См.: Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Вып. 4. М., 1912. С. 705.

¹⁵ См.: Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка. С. 52.

³ См.: Лукашева Е. А. Социалистическое правосознание и законность. М., 1973. С. 23.

⁴ См.: Вопленко Н. Н. Теоретико-правовое содержание категории «законность» // Принцип законности: современные интерпретации: монография / под ред. М. А. Беляева, В. В. Денисенко, А. А. Малиновского. М., 2019.

⁵ См.: Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка: монография. Т. 1 / отв. ред. Н. Н. Черногор. М., 2019. С. 51.

⁶ См. в связи с этим инициативный законопроект Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: О нормативных правовых актах в Российской Федерации (инициативный проект федерального закона). 5-е изд., перераб. и доп. / рук. авт. кол. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. М., 2019.

В свою очередь, целесообразность понимается в юридической доктрине как принцип права или законодательства¹⁶. Основным содержанием целесообразности является цель, которая пронизывает все сферы жизнедеятельности общества, указывает, что произойдет в будущем, какими средствами можно достичь этого желаемого будущего¹⁷. Норма права всегда преследует определенную цель, а средством ее достижения является предписываемое правило поведения¹⁸. В этом смысле законность и целесообразность взаимосвязаны. «Целесообразность норм права является особой гарантией законности и, соответственно, воплощается в правопорядке»¹⁹.

Вместе с тем нередко целесообразность, неразрывно связанная с правореализацией, понимается в отрицательном значении как противопоставление законности, отождествляется с усмотрением или даже произволом. Полагаем, что в любом случае не следует допускать подмены законности целесообразностью. Как отмечается в литературе, «законность представляет простор для целесообразности, предъявляя в то же время требования наиболее действенной, т. е. наиболее целесообразной реализации нормы права»²⁰. Если же закон обладает свойством

вариативности правового регулирования, то в зависимости от конкретных обстоятельств дела правоприменитель должен принять такое решение, при котором достигается цель закона²¹.

Законность должна обладать свойством легитимности, т. е. признанием со стороны общества. В противном случае возникает проблема ее согласования с целесообразностью как конкурирующим мотивом поведения.

А. Б. Венгеров и А. В. Мицкевич, рассуждая о соотношении хозяйственной целесообразности и законности, отмечали, что если первая вступает в противоречие с отдельными правовыми предписаниями, то «следует в установленном порядке доказать необходимость реализации такой целесообразности вплоть до постановки вопроса об изменении или отмене правового предписания»²². Однако в период действия закона нарушения его норм недопустимы ни под каким предлогом. Обход или нарушение законодательства, т. е. нарушение принципа законности, под предлогом такой субъективной категории, как целесообразность, чреватые серьезной угрозой правопорядку в целом. При этом принятый и эффективно реализуемый закон (иной нормативный правовой акт) презюмируется целесообразным, поскольку достигает целей своего создания.

Законность и целесообразность: соотношение в условиях смены правовых циклов и парадигм правового развития. В разные годы в том или ином государстве, особенно в переходные периоды, связанные со сменой парадигм государственного, общественного и правового разви-

¹⁶ См., например: *Бавсун М. В., Марцев А. И.* Целесообразность в уголовном праве // Правоведение. 2003. № 4. С. 94—106.

¹⁷ См.: *Казакевич Т. А.* Целесообразность и цель в общественном развитии // Вестник ЛГУ. 1963. № 23. С. 52—63.

¹⁸ См.: *Орлов В. Н., Экимов А. И.* Цель в норме советского права // Правоведение. 1968. № 5. С. 22—28.

¹⁹ *Баранова М. В.* Целесообразность как фактор эффективности правового воздействия // Принцип законности: современные интерпретации: монография / под общ. ред. М. А. Беляева, В. В. Денисенко, А. А. Малиновского. М., 2019.

²⁰ *Чхиквадзе В. М.* Государство, демократия, законность: Ленинские идеи и современность. М., 1967. С. 394.

²¹ См.: *Недбайло П. Е.* Вопросы обоснованности и целесообразности применения норм советского права // Вопросы общей теории советского права. М., 1960. С. 330.

²² *Венгеров А. Б., Мицкевич А. В.* Закон и законность в хозяйственной деятельности. М., 1973. С. 59—60.

тия, обострялась проблема соотношения принципов законности и целесообразности. Прежде всего целесообразность вступает в противоречие с законностью в условиях «догоняющего» характера законодательного и в целом правового регулирования, не способного на адекватное отражение складывающихся общественных отношений. Также противоречия целесообразности и законности имеют место при наличии большого числа разного рода дефектов правовой системы: многочисленных коллизий юридических норм разных уровней и отраслевой принадлежности, пробелов в законодательстве, устаревания правовых предписаний.

В отечественной юридической литературе давно исследуется проблема циклов правового развития, правовых циклов²³. Циклическое развитие права является круговым (возникновение, развитие, стабильность, застой, кризис, хаос²⁴), на смену завершившемуся циклу приходит новый, и правовое развитие начинается заново. Широко известны такие циклы правового развития России, как дореволюционный (или имперский) и советский²⁵.

При смене циклов правовая система подвергается существенной модернизации или даже фактически создается заново, как это было в Российской Федерации в 1990-е гг., когда коренным образом была изменена парадигма правового развития страны и начался его новый цикл, и в начале 2000-х гг. в связи с обновлением принятого в первые годы после распада Советского Союза законодательства, обусловленного динамикой социально-экономиче-

ской сферы общественных отношений. В этих обстоятельствах задача правильного соотнесения законности и целесообразности актуализируется, что подтверждается нестабильностью правовой системы в переходные периоды, когда для достижения целесообразности в законодательство вносятся многочисленные изменения.

Общество постмодерна и право.

Суть постмодерна заключается в обозначении «разрыва человечества со старой традиционной эпохой», это исторический этап, хронология которого начинается с кризиса индустриального общества и простирается в будущее²⁶. Это понятие, введенное в оборот американскими социологом Ч. Р. Миллсом и экономистом П. Ф. Друкером в 1950-е гг., широко используется с конца 1970-х гг. для характеристики современного постиндустриального (информационного) общества.

Общепризнано, что в мире пройдено пять технологических укладов. Шестой технологический уклад, который одновременно будет являться первым постиндустриальным укладом, к которому переходят сейчас развитые государства, обусловлен развитием нанотехнологий, резким снижением энергоемкости и материалоемкости производства, конструированием материалов и организмов с заранее заданными свойствами. Ядро этого технологического уклада, переход к которому наблюдается с начала XXI в., составляют нанобиотехнологии, информационные, когнитивные, социогуманитарные технологии, их конвергенция (НБИКС-конвергенция), нанoeлектроника, нанохимия, нанофотоника. Отдельные ученые прогнозируют с середины XXI в. начало перехода к седьмому технологическому укладу — эпохе

²³ См.: Тихомиров Ю. А. Циклы правового развития // Журнал российского права. 2008. № 10. С. 15—22.

²⁴ См.: Ромашов Р. А. Преемственность и цикличность в российском праве: единство и противоречия // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 42.

²⁵ Там же.

²⁶ См.: Ирхин Ю. В. Социум и политика в постмодернистском зазеркалье: взгляды, подходы, анализ // Полития. 2005. № 4. С. 136.

метакогнитивных технологий, новой антропологии.

Высокий темп технологического развития, характерный для современной цивилизации, переход к шестому технологическому укладу ведут к содержательным изменениям жизнедеятельности человека, общества и государства. Современная цивилизация и социум находятся в состоянии качественных перемен, и очевиден переход к обществу нового типа, векторы развития которого как раз пока предугадать сложно. Прогнозируется, что экономическим базисом нового общества будет «цифровая экономика», а само оно приобретет качества программируемого, предполагаются также существенные изменения в структуре общества, социальном регулировании, системе социальных ценностей, которые тесно связаны с правом, правовыми ценностями и т. д.

Провозглашенная в России и многих зарубежных государствах, а также на международном уровне задача построения цифровой экономики приводит к цифровизации права²⁷. Модифицируется система государственного управления, автоматизируются процессы создания и применения норм права²⁸, правотворческие и правоприменительные юридические технологии тесно сплетаются с цифровыми и иными современными технологиями²⁹.

Сейчас право практически повсеместно признается основным регулятором общественных отношений. В связи с цифровизацией возможны

возникновение иных регуляторов, например квазиправовых, а также трансформация права в иной социальный регулятор³⁰. Вместе с тем в настоящий момент и в обозримой перспективе альтернативы праву как универсальному социальному регулятору нет. Очевидно, что начавшийся процесс цифровизации права затронет и его аксиологический компонент, что связано с появлением новых субъектов права и прогнозируемым расширением их состава (цифровые личности, искусственный интеллект и др.), появлением новых прав человека, реализуемых в виртуальном пространстве, включением в сферу правового регулирования абсолютно новых общественных отношений или тех, что ранее не требовали правовой регламентации, равно как и сужением сферы правового регулирования в связи с отпадением необходимости регулирования каких-либо общественных отношений правом либо в связи с исчезновением каких-либо общественных отношений в эпоху новаций³¹. Изменения в системе правовых ценностей в связи с вступлением общества в цифровую эпоху могут быть как кардинальными, революционными, так и поступательными, иметь разный характер в разных государствах и присущих им общественных укладах. Уже сейчас ученые говорят о «морализации права, становлении нового регулятора — легальной этики»³², появлении новой миссии права — «сохра-

²⁷ См.: Залоило М. В., Пашенцев Д. А. Национальный правовой порядок России в условиях цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. № 2. С. 196—209.

²⁸ См.: Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / под общ. ред. Д. А. Пашенцева. М., 2019.

²⁹ См.: Залоило М. В. Современные юридические технологии в правотворчестве: науч.-практ. пособие / под ред. Д. А. Пашенцева. М., 2020.

³⁰ См.: Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 15.

³¹ См.: Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 94—96.

³² См.: Хабриева Т. Я. Технологические сюжеты глобального развития в фокусе правовой доктрины // Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости: XIX Международные Лихачевские научные чтения, 22—24 мая 2019 г. СПб., 2019. С. 230.

нении человека как биологического вида и обеспечении мирного сосуществования людей и “субъект-объектов”»³³. Наряду с появлением новых правовых ценностей особую важность имеет сохранение выработанных еще со времен эпохи Просвещения и ранее правовых ценностей, среди которых основополагающее значение имеет законность.

Конституция России 1993 г. как основа законности. Проблемы обеспечения законности в аспекте конституционной реформы. Как известно, Конституция в России обладает высшей юридической силой, и в рамках правовой системы нашего государства должно безукоснительно соблюдаться верховенство Основного закона.

Россия, как сказано в ч. 1 ст. 1 Конституции РФ, является правовым государством. На территории нашей страны имеют верховенство Конституция РФ и федеральные законы (ч. 2 ст. 4). Принцип законности логически выводится также из содержания ч. 1 и 2 ст. 15 Конституции РФ³⁴. При этом конституционная законность составляет основу общего режима законности³⁵.

Одновременно действует правило ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, вводящей общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации в ее правовую систему в качестве составной части,

а также закрепляющей приоритет международных договоров Российской Федерации. Однако это не означает приоритета международного права над нормами Основного закона страны. Предпочтение здесь следует отдавать конституционным предписаниям, поскольку, несмотря на действие ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, международные договоры России обладают указанным приоритетом именно в силу норм закрепившей такое положение вещей Конституции, которая, в свою очередь, стоит на вершине российской правовой системы.

14 декабря 2015 г. был принят Федеральный конституционный закон № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”», предусматривающий механизм рассмотрения Конституционным Судом РФ дел о возможности исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека по запросам компетентных федеральных органов исполнительной власти (в частности, Минюста России).

О возможности введения такого механизма Конституционный Суд высказался еще в постановлении от 14 июля 2015 г. № 21-П, где заявил о правомочии федерального законодателя — исходя из требований Конституции РФ и с учетом правовых позиций Конституционного Суда, выраженных в этом постановлении, — предусмотреть не противоречащий юридической природе Конституционного Суда и его предназначению как высшего судебного органа конституционного контроля специальный правовой механизм разрешения им вопроса о возможности или невозможности с точки зрения принципов верховенства и высшей юридической силы Конституции РФ исполнить вынесенное по жалобе против России постановление Европейского суда по правам человека, в том числе в части мер общего характера.

³³ Хабриева Т. Я. Технологические сюжеты глобального развития в фокусе правовой доктрины. С. 230.

³⁴ Конституция РФ имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации; законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции РФ; органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию РФ и законы.

³⁵ См.: Законность в Российской Федерации. М., 2008. С. 59—73.

Как справедливо отмечает Т. Я. Хабриева, «в правовом государстве недопустим разрыв между конституцией и общественной практикой»³⁶. Конституция — это развивающаяся правовая материя, ее содержание предопределено динамикой экономической, политической, социальной сфер, а консервация конституции «может как вызвать общественное напряжение, так и привести к нарушению эволюционного пути развития государственности»³⁷. Последние десятилетия ознаменовались многочисленными конституционными реформами в разных государствах³⁸.

В Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 15 января 2020 г. были высказаны предложения об изменениях, которые гарантируют приоритет Конституции России в отечественном правовом пространстве. Президент анонсировал конституционную реформу, включающую и иные вопросы. Для ее проведения была образована рабочая группа, в состав которой вошли как авторитетные юристы, так и представители иных профессий, что позволило обеспечить представительство широких слоев населения³⁹.

Результатом деятельности рабочей группы и широкого общественного обсуждения на площадке Обще-

ственной палаты РФ стал принятый 14 марта 2020 г. Закон РФ о поправке к Конституции РФ № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». Традиционная процедура принятия такого рода законов о поправках к Конституции дополнена еще и общероссийским голосованием, которое будет назначено указом Президента РФ. Одобрение населением поправок в ходе такого голосования рассматривается как условие вступления поправок в силу (ч. 4 ст. 3 названного Закона). Согласно п. 12 ст. 1 указанного Закона предлагается изложить ст. 79 Конституции в новой редакции: «Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами Российской Федерации, если это не влечет за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации. Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации». Проектируемое изменение Конституции является логическим продолжением предпринятых в 2015 г. мер по усилению законности в России и укреплению верховенства Конституции. В частности, как ожидается, таким образом будет решена проблема коллизий между решениями межгосударственных органов и основополагающими принципами российской правовой системы.

Роль закона в эпоху постиндустриального общества: традиции и новации. В России на федеральном и региональном уровнях действует множество законов, подзаконных нормативных правовых актов, регулирующих разнообразные

³⁶ Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в современном мире: монография. М., 2016. С. 7.

³⁷ См.: Хабриева Т. Я. Парадигмы конституционной реформы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 5. С. 820.

³⁸ См. в связи с этим: Хабриева Т. Я., Андриченко Л. В. Конституционные реформы на постсоветском пространстве: тенденции развития // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 3.

³⁹ См. распоряжение Президента РФ от 15 января 2020 г. № 5-рп «О рабочей группе по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию Российской Федерации».

сферы общественных отношений, они постоянно подвергаются изменениям и дополнениям. Возрастает число правотворческих инициатив. В условиях постоянного обновления нормативного массива усложняется система нормативных правовых актов, появляются некоторые внутрисистемные проблемы и негативные качественные изменения, по отдельным вопросам отмечается «зарегулированность»⁴⁰. Нередко подзаконные акты принимаются не в строгом соответствии с законом, происходит расширение границ правового регулирования, не предусмотренное на законодательном уровне, нарушаются иерархические, компетенционные пределы конкретизации норм закона. При необоснованном расширении предмета правового регулирования возрастают риски девальвации закона⁴¹. Встречаются также случаи «опережающего регулирования подзаконными актами отношений, являющихся предметом закона». В связи с этим предложен формальный критерий размежевания законодательного и подзаконного регулирования — закрепление в законе (например, о нормативных правовых актах) закрытого перечня тех вопросов, которые могут решаться только законом⁴², хотя стоит отметить, что закрытый перечень не всегда соответствует динамике развития общественных отношений. Здесь важно соблюсти баланс.

⁴⁰ См. в связи с этим: *Власенко Н. А., Залоило М. В.* Состояние законодательства, уровень законодательной культуры и стандартизация законодательства // *Юридическая техника*. 2016. № 10. С. 78—89.

⁴¹ См.: *Власенко Н. А.* Проблема достаточности и агрессивности правового регулирования // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2018. № 1. С. 41, 44.

⁴² См.: *Абрамова А. И.* Правоприменительная практика и ее влияние на развитие законодательства // *Журнал российского права*. 2015. № 12. С. 22—23.

С проблематикой законности и целесообразности непосредственно связан вопрос о судебном правотворчестве. Это объясняется тем, что формально судебные органы в России не наделены правотворческими полномочиями. Однако во всех тех случаях, когда законодатель формулирует юридические предписания относительно определенно и в действующих нормативных правовых актах не дается их официальная конкретизация, суд вынужден выводить более конкретное правило, без которого конкретизируемая норма вообще не может быть применима к данной ситуации.

Деятельность судебных органов по конкретизации юридических норм имеет своеобразный творческий характер. Естественно, в рамках этой деятельности невозможно создание новой, самостоятельной юридической нормы, но посредством ее в правовое регулирование вносится определенный элемент новизны, который вместе с основной нормой сам становится объектом применения⁴³.

Российские высшие судебные инстанции всегда в определенной степени осуществляли правотворческие функции в процессе правоинтерпретационной деятельности. Например, Конституционный Суд РФ, обязывая законодателя к принятию тех или иных юридических норм, опосредованно осуществляет правотворческую деятельность.

Деятельность судов первой инстанции, апелляционной, кассационной и надзорной в той или иной мере связана с вопросами конкретизации неточных, расплывчатых, оценочных формулировок принципов и норм права⁴⁴. Правоположения, конкретизирующие действующие

⁴³ См.: *Безина А., Лазарев В.* Конкретизация права в судебной практике // *Советская юстиция*. 1968. № 2. С. 6.

⁴⁴ См.: *Гук П. А.* Конкретизация принципов и норм права судебными органами // *Конкретизация права: теоретические и практические проблемы: материалы*

юридические нормы, содержатся в разъяснениях высших судебных инстанций. Так, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по вопросам судебной практики содержат не только собственно толкование, но и конкретизацию норм интерпретируемого права. Пленум Верховного Суда РФ «завершает конкретизацию правовой нормы и доводит ее до логического конца, создавая правоконкретизирующие положения»⁴⁵.

Несомненно, особая роль в выявлении дефектов, неполноты нормативных правовых актов, правовой неопределенности, в целом означающих фрагментацию, принадлежит судебным органам власти, а судебная практика предназначена для преодоления выявленных дефектов и пробелов, хотя и не может их восполнить, поскольку суд в России является правоприменительным, а не правотворческим органом. Вместе с тем влияние судебной практики на правотворчество неоспоримо, и во многих случаях фрагментация правового регулирования, выявленная именно судами и отмеченная в судебных решениях, устраняется в последующем правотворческим органом. В силу своей «приближенности» к фактическим жизненным обстоятельствам суд может подсказать решение назревших законодательных проблем, обозначив в своем решении опережающее регулирование тех или иных общественных отношений.

Здесь надо учитывать тот факт, что регламентация указанных процессов осуществляется в большей части документами стратегического планирования (это, например, Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», предусмотренные ею федеральные

проекты, дорожные карты развития «сквозных» цифровых технологий и многочисленные документы стратегического планирования). Правовое регулирование цифровизации находится в стадии становления, является фрагментарным. Принятые федеральные законы в этой области пока немногочисленны⁴⁶. Вместе с тем полагаем, что в условиях динамичного развития связанных с цифровизацией общественных отношений, требующих научного осмысления и обоснования, их всеобъемлющее законодательное регулирование можно назвать нецелесообразным, тем более что оно, вероятнее всего, будет претерпевать многочисленные изменения сразу после принятия.

Логично предположить, что апробация правового регулирования цифровизации должна происходить в экспериментальном порядке. Сейчас правовой эксперимент приобретает новое звучание в форме так называемых регуляторных песочниц (облегченные условия для реализации инновационных проектов, когда в отдельных сферах устанавливается особый правовой режим, позволяющий организациям проводить эксперимент по внедрению инновационных продуктов и услуг с определенными изъятиями в соблюдении отдельных регулятивных требований, оценивать возможные риски, анализировать необходимость внесения изменений в законодательство

IX Международной научно-практической конференции. М., 2015. С. 343.

⁴⁵ Безина А. К. Правоконкретизирующая деятельность судов и ее роль в развитии советского права: Избранное: в 5 т. Т. 1. М., 2012. С. 27.

⁴⁶ См., например, федеральные законы от 16 декабря 2019 г. № 439-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части формирования сведений о трудовой деятельности в электронном виде», от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации».

и делать вывод о целесообразности развития тех или иных продуктов и услуг⁴⁷). Регуляторные песочницы нашли первоначальное применение в финансовой сфере в Великобритании (2016 г.), Израиле, Малайзии, Объединенных Арабских Эмиратах, Сингапуре, Соединенных Штатах Америки. Впоследствии их механизм был реализован и в иных сферах жизнедеятельности, таких как медицина, энергетика, транспорт, управление отходами и др.

Особенности регуляторных песочниц при реализации каких-либо инновационных проектов заключаются в отмене некоторых обязательных требований законодательства, допущении изъятий из общего правового режима для конкретных компаний на определенных территориях в строго определенный период времени с возможными ограничениями числа клиентов, суммы сделок и проч.

В условиях цифровизации правотворчества создание регуляторных песочниц имеет большой потенциал для апробации новаторских правотворческих решений и выбора наиболее перспективного варианта правового регулирования. В данном случае показателна правотворческая инициатива Министерства экономического развития РФ, разработавшего проект федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»⁴⁸.

Центром компетенций по направлению «Нормативное регулирование» Фонда «Сколково» совместно с Центром стратегических разработок была разработана и в настоящее

время совершенствуется с учетом поступающих замечаний Концепция организации процесса управления изменениями в области регулирования цифровой экономики⁴⁹ (далее — Концепция). В документе среди основных проблем регулирования цифровой экономики в России обозначены, в частности: невозможность оперативного, отвечающего быстро изменяющимся потребностям развития цифровой экономики внесения изменений в основные источники права — закон и подзаконный нормативный правовой акт; длительность процедур разработки и согласования указанных источников права; несоординированность работы правотворческих органов и проч. В связи с этим предлагается изменить подход к правотворческой деятельности и «отказаться от детальной регламентации экономической деятельности и порядка работы регулирующих органов на уровне закона». Разработчики Концепции предлагают «на уровне закона закреплять направления развития, ключевые цели и принципы, основные черты правового статуса адресатов регулирования». Необходима конкретизация и детализация законодательных предписаний, равно как и их разъяснение, предполагается «в подзаконных актах и актах мягкого права (руководствах, разрабатываемых федеральными органами исполнительной власти) с учетом особенностей текущей стадии развития цифровой экономики». Это обосновывается оперативностью принятия и большей гибкостью прежде всего актов мягкого права по сравнению с иными источниками права.

Несмотря на положительную в целом оценку предложенного сценария развития форм (источников) права

⁴⁷ См.: Аналитический отчет «Регуляторные песочницы. Регулирование как сервис». URL: http://www.npaed.ru/images/downloads/Regulatory_sandbox_AED_Report2016.pdf (дата обращения: 14.02.2020).

⁴⁸ Экспериментальный правовой режим согласно законопроекту устанавливается по определенным направлениям внедрения цифровых инноваций.

⁴⁹ URL: https://sk.ru/cfs-file.ashx/___key/telligent-evolution-components-attachments/13-643-00-00-02-38-24/_1A0423041804_-20200113.docx (дата обращения: 14.02.2020).

в эпоху постиндустриального общества, представляется, что закрепление в законе лишь указанных элементов превратит его в акт декларативного характера, не содержащий конкретных правил поведения. Развитие целей и принципов, закрепленных в законе, преимущественно в подзаконных нормативных правовых актах, а также в актах мягкого права, может нарушить правила конкретизации юридических норм более высокой юридической силы нормами более низкой юридической силы, вызвать проблемы при разграничении сферы ведения Российской Федерации и ее субъектов, создать широкую свободу усмотрения для субъектов, разрабатывающих акты мягкого права (по своей природе не содержащие общеобязательных правил поведения), повысить риски правовой неопределенности, усложнить механизм реализации актов мягкого права и привлечения к ответственности за их неправильное применение либо нарушение в силу необеспеченности их исполнения силой государственного принуждения, создать угрозу нарушения прав и свобод человека и гражданина, которые согласно ч. 3 ст. 55 Конституции РФ могут быть ограничены только законом.

Также возможно нарушение баланса между законодательной и исполнительной властью в пользу последней, поскольку законодательные органы будут принимать законы, содержащие в высокой степени абстрактные и большей частью декларативные предписания, толкование и конкретизация которых в форме руководств будет осуществляться федеральными органами исполнительной власти.

Наконец, закономерен вопрос о судьбе действующих федеральных законов, содержащих нормы права, так или иначе касающиеся цифровизации:

будут ли они отменены и заменены руководствами федеральных органов исполнительной власти;

будут ли они существовать параллельно с «мягкими» регуляторами (при этом неизбежны коллизии);

будут ли определенные сферы общественных отношений, затронутые цифровизацией, регламентированы по-старому (законом как основным источником права, подзаконными нормативными правовыми актами, конкретизирующими закон), в то время как иные, вновь возникающие в связи с цифровизацией общественные отношения станут предметом «мягкой» регламентации в руководствах?

Одновременно в Концепции высказывается предложение об установлении сроков действия требований, содержащихся в регуляторных инструментах, конкретизирующих и детализирующих закон, что позволит, по мнению разработчиков, обеспечить их постоянную актуальность и эффективность и не допустить их превращения в регуляторный барьер. Представляется, что предложенное решение также несет в себе риски для законности, поскольку закон, оставаясь незыблемым и неизменным, превращается в некую формальную сущность, оправдывающую существование многочисленных постоянно изменяющихся подзаконных или даже ненормативных предписаний, на которые возлагается миссия по всеобъемлющему регулированию экономических отношений в связи с цифровизацией. В данном случае, по нашему мнению, законность подменяется целесообразностью, что может иметь не только положительные последствия в силу оперативности реагирования регулирующих органов на динамичное изменение окружающей среды, но и отрицательные — в виде подрыва законности и основанного на ней правопорядка.

Отдельно следует сказать о появлении в правовой системе России нетипичных — циклических — правовых массивов, не создающихся и развивающихся автономно от правового развития в иных сферах,

а вторгающихся в действующие элементы права и детерминирующих их содержание. В качестве примера обычно приводится антикоррупционный циклический правовой массив⁵⁰. Вероятно, именно в направлении движения к формированию цифрового циклического нормативного правового массива будет идти правовое регулирование в новых условиях, поскольку цифровизация затрагивает все сферы общественной жизни.

Выводы. Общество постмодерна характеризуется социологами и философами чертами разгосударствления и разочарования в политике. Наряду с этим выше были обозначены тенденции трансформации роли

права и закона, появления новых социальных регуляторов на пороге перехода к шестому технологическому укладу. В этих обстоятельствах важно обеспечить сбалансированное действие принципов законности и целесообразности, а законность должна быть целесообразной и легитимной, иными словами, принимаемые правотворческие решения должны адекватно отражать складывающиеся общественные отношения и поддерживаться широкими слоями населения, что достигается, в частности, посредством использования еще на стадии правотворчества технологий юридического прогнозирования, планирования, а также краудсорсинга (общественная правотворческая инициатива, общественное обсуждение и общественная экспертиза проектов нормативных правовых актов).

⁵⁰ См.: Хабриева Т. Я. Циклические нормативные массивы в праве // Журнал российского права. 2019. № 12. С. 5—18.

Библиографический список

- Абрамова А. И. Правоприменительная практика и ее влияние на развитие законодательства // Журнал российского права. 2015. № 12.
- Александров Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М., 1955.
- Алексеев С. С. Проблемы теории права. Свердловск, 1972. Т. 1.
- Бавсун М. В., Марцев А. И. Целесообразность в уголовном праве // Правоведение. 2003. № 4.
- Баранова М. В. Целесообразность как фактор эффективности правового воздействия // Принцип законности: современные интерпретации: монография / под общ. ред. М. А. Беляева, В. В. Денисенко, А. А. Малиновского. М., 2019.
- Безина А. К. Правоконкретизирующая деятельность судов и ее роль в развитии советского права: Избранное: в 5 т. Т. 1. М., 2012.
- Безина А., Лазарев В. Конкретизация права в судебной практике // Советская юстиция. 1968. № 2.
- Венгеров А. Б., Мицкевич А. В. Закон и законность в хозяйственной деятельности. М., 1973.
- Власенко Н. А. Проблема достаточности и агрессивности правового регулирования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1.
- Власенко Н. А., Залоило М. В. Состояние законодательства, уровень законодательной культуры и стандартизация законотворчества // Юридическая техника. 2016. № 10.
- Вопленко Н. Н. Законность и легитимность // Новая правовая мысль. 2003. № 1.
- Вопленко Н. Н. Теоретико-правовое содержание категории «законность» // Принцип законности: современные интерпретации: монография / под ред. М. А. Беляева, В. В. Денисенко, А. А. Малиновского. М., 2019.
- Гук П. А. Конкретизация принципов и норм права судебными органами // Конкретизация права: теоретические и практические проблемы: материалы IX Международной научно-практической конференции. М., 2015.
- Законность в Российской Федерации. М., 2008.
- Законность: теория и практика: монография / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, Н. В. Субанова. 3-е изд. М., 2017.
- Залоило М. В. Современные юридические технологии в правотворчестве: науч.-практ. пособие / под ред. Д. А. Пашенцева. М., 2020.

Залоило М. В., Пашенцев Д. А. Национальный правовой порядок России в условиях цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. № 2.

Ирхин Ю. В. Социум и политика в постмодернистском зазеркалье: взгляды, подходы, анализ // Полития. 2005. № 4.

Казакевич Т. А. Целесообразность и цель в общественном развитии // Вестник ЛГУ. 1963. № 23.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 45. URL: <https://leninism.su/works/84-tom-45.html> (дата обращения: 14.02.2020).

Лукашева Е. А. Социалистическое правосознание и законность. М., 1973.

Недбайло П. Е. Вопросы обоснованности и целесообразности применения норм советского права // Вопросы общей теории советского права. М., 1960.

О нормативных правовых актах в Российской Федерации (инициативный проект федерального закона). 5-е изд., перераб. и доп. / рук. авт. кол. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. М., 2019.

Общее учение о правовом порядке: восхождение правового порядка: монография. Т. 1 / отв. ред. Н. Н. Черногор. М., 2019.

Орлов В. Н., Экимов А. И. Цель в норме советского права // Правоведение. 1968. № 5.

Рабинович П. М. Упрочение законности — закономерность социализма. Львов, 1975.

Ромашов Р. А. Преемственность и цикличность в российском праве: единство и противоречия // Юридическая техника. 2011. № 5.

Самощенко И. С. Охрана режима законности Советским государством. М., 1960.

Строгович М. С. Социалистическая законность — незыблемый принцип нашей общественной жизни. М., 1969.

Тихомиров Ю. А. Циклы правового развития // Журнал российского права. 2008. № 10.

Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в современном мире: монография. М., 2016.

Хабриева Т. Я. Конституция как основа законности в Российской Федерации // Журнал российского права. 2009. № 3.

Хабриева Т. Я. Парадигмы конституционной реформы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 5.

Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9.

Хабриева Т. Я. Технологические сюжеты глобального развития в фокусе правовой доктрины // Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости: XIX Международные Лихачевские научные чтения, 22—24 мая 2019 г. СПб., 2019.

Хабриева Т. Я. Циклические нормативные массивы в праве // Журнал российского права. 2019. № 12.

Хабриева Т. Я., Андриченко Л. В. Конституционные реформы на постсоветском пространстве: тенденции развития // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 3.

Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1.

Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / под общ. ред. Д. А. Пашенцева. М., 2019.

Чхиквадзе В. М. Государство, демократия, законность: Ленинские идеи и современность. М., 1967.

Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Вып. 4. М., 1912.

References

Abramova A. I. Law Enforcement and Its Impact on the Development of Legislation. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2015, no. 12, pp. 18—27. DOI: 10.12737/16626. (In Russ.)

Aleksandrov N. G. Legality and Legal Relations in Soviet Society. Moscow, 1955. 176 p. (In Russ.)

Alekseev S. S. Problems of Theory of Law. Sverdlovsk, 1972. Vol. 1. 396 p. (In Russ.)

Baranova M. V. Expediency as a Factor of Effectiveness of Legal Influence. *The Principle of Legality: Modern Interpretations*. Ed. by M. A. Belyaev, V. V. Denisenko, A. A. Malinovskiy. Moscow, 2019. Pp. 89—104. (In Russ.)

Bavsun M. V., Martsev A. I. Expediency in Criminal Law. *Pravovedenie*, 2003, no. 4, pp. 94—106. (In Russ.)

Bezina A. K. Activity of the Courts on Concretization of Law and Its Role in the Development of Soviet Law: Selected Works. Vol. 1. Moscow, 2012, pp. 20—27. (In Russ.)

Bezina A., Lazarev V. The Concretization of Law in Court Practice. *Sovetskaya yustitsiya*. 1968, no. 2, pp. 6—7. (In Russ.)

Chkhikvadze V. M. State, democracy, legality: Lenin's ideas and modernity. Moscow, 1967. 503 p. (In Russ.)

General Theory of Legal Order. Development of Legal Order. Vol. 1. Ed. by N. N. Chernogor. Moscow, 2019. 348 p. (In Russ.)

Guk P. A. Concretization of Principles and Norms of Law by Judicial Authorities. *Concretization of Law: Theoretical and Practical Problems: Materials of the IX International Scientific and Practical Conference*. Moscow, 2015. Pp. 341—345. (In Russ.)

Irkhin Yu. V. Society and Policy in Postmodern Wonderland: Opinions, Attitudes, Analysis. *Politiya*, 2005, no. 4, pp. 136—160. (In Russ.)

Kazakevich T. A. Expediency and purpose in social development. *Vestnik LGU*, 1963, no. 23, pp. 52—63. (In Russ.)

Khabrieva T. Y. Constitution as Basis of Legality in the Russian Federation. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2009, no. 3, pp. 3—11. (In Russ.)

Khabrieva T. Y. Cyclic Normative Arrays in Law. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2019, no. 12, pp. 5—18. DOI: 10.12737/jrl.2019.12.1. (In Russ.)

Khabrieva T. Y. Law Facing the Challenges of Digital Reality. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2018, no. 9, pp. 5—16. DOI: 10.12737/art_2018_9_1. (In Russ.)

Khabrieva T. Y. Paradigms of Constitutional Reform. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2015, no. 5, pp. 820—830. (In Russ.)

Khabrieva T. Y., Chernogor N. N. The Law in the Conditions of Digital Reality. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2018, no. 1, pp. 85—102. DOI: 10.12737/art_2018_1_7. (In Russ.)

Khabrieva T. Y. Constitutional Reform in Today's Context. Moscow, 2016. 320 p. (In Russ.)

Khabrieva T. Y. Technological topics of global development in the focus of legal doctrine. *World development: problems of predictability and manageability: XIX international Likhachev scientific readings*, may 22—24, 2019. St. Petersburg, 2019. Pp. 227—231. (In Russ.)

Khabrieva T. Y., Andrichenko L. V. Constitutional reforms in the post-soviet space: development trends. *Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie Nauki = Perm University Herald, Juridical Sciences*, 2017, no. 3, pp. 272—287. (In Russ.)

Legality in the Russian Federation. Moscow, 2008. 624 p. (In Russ.)

Lenin V. I. Complete works. Vol. 45. Available at: <https://leninism.su/works/84-tom-45.html> (accessed 14.02.2020). (In Russ.)

Lukasheva E. A. The socialist legal consciousness and legality. Moscow, 1973. 344 p. (In Russ.)

Nedbaylo P. E. Questions of validity and expediency of applying of the norms of Soviet law. *Voprosy obshchey teorii sovetskogo prava*. Moscow, 1960, pp. 309—344. (In Russ.)

On Normative Legal Acts in the Russian Federation (initiative draft of the Federal law). 5th ed. Ed. by T. Y. Khabrieva, Yu. A. Tikhomirov. Moscow, 2019. 88 p. (In Russ.)

Orlov V. N., Ekimov A. I. The goal in the norm of Soviet law. *Pravovedenie*, 1968, no. 5, pp. 22—28. (In Russ.)

Rabinovich P. M. Strengthening of the legality — a pattern of socialism. L'vov, 1975. 260 p. (In Russ.)

Romashov R. A. Continuity and cyclicity in Russian law: unity and contradictions. *Yuridicheskaya tekhnika*, 2011, no. 5, pp. 41—42. (In Russ.)

Samoshchenko I. S. Protection of the regime of legality by the Soviet state. Moscow, 1960. 200 p. (In Russ.)

- Shershenevich G. F. General theory of law. Iss. 4. Moscow, 1912. 805 p. (In Russ.)
- Strogovich M. S. Socialist legality is an immutable principle of our social life. Moscow, 1969. 46 p. (In Russ.)
- The digitalization of law-making: the search for new solutions. Ed. by D. A. Pashentsev. Moscow, 2019. 234 p. (In Russ.)
- The Rule of Law: Theory And Practice. Ed. by Yu. A. Tikhomirov, N. V. Subanova. 3rd ed. Moscow, 2017. 400 p. (In Russ.)
- Tikhomirov Yu. A. Cycles of legal progress. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2008, no. 10, pp. 15—22. (In Russ.)
- Vengerov A. B., Mitskevich A. V. Law and Legality in Economic Activity. Moscow, 1973. 64 p. (In Russ.)
- Vlasenko N. A. Problems of Sufficiency of Legal Regulation in the Modern Russian Society. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, 2018, no. 1. (In Russ.)
- Vlasenko N. A., Zaloilo M. V. Sostoyanie zakonodatel'stva, uroven' zakonodatel'noy kul'tury i standartizatsiya zakonotvorchestva. *Yuridicheskaya tekhnika*, 2016, no. 10, pp. 41—47. (In Russ.)
- Voplenko N. N. Legality and Legitimacy. *Novaya pravovaya mysl'*, 2003, no. 1, pp. 11—14. (In Russ.)
- Voplenko N. N. Theoretical and legal content of the category “legality”. *Principle of Legality: Modern Interpretations*. Ed. by M. A. Belyaev, V. V. Denisenko, A. A. Malinovskiy. Moscow, 2019. Pp. 11—27. (In Russ.)
- Zaloilo M. V. Modern Legal Technologies in Law-Making. Ed. by D. A. Pashentsev. Moscow, 2020. 184 p. (In Russ.)
- Zaloilo M. V., Pashentsev D. A. National law and order of Russia in the conditions of digitalization. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2019, no. 2, pp. 196—209. (In Russ.)
-